ПИОНЕР

9

ЯНВАРЯ

1905

ЗАВЕРШИМ ПЯТИЛЕТКУ В ЧЕТЫРЕ ГОДА!

1 ЯНВАРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК В
СЕКТОР „КОМСОМОЛЬСКАЯ

П 29
34
П 29
34
1932 № 1-24
П 349
3/1452

МОСКВА В 1905 ГОДУ

УМИРОТВОРЕНИЕ (журнал „Жупел“ № 2, 1905 г.).

Рис. Добужинского. Декабрьское восстание подавлено. В Москве тихо; даже на небе радуга, как знак того, что все обстоит благополучно. Но чтобы достигнуть этого „благополучия“, потребовалось всю Москву затопить кровью рабочих. На рисунке изображено море крови, из которого выступают только маковки церквей да Кремль с царскими дворцами.

Г.П.Б. в Лгр Ц
О.Э. 1932 г.
Акт № 21

П 29
34

ПЕРВАЯ ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Баррикады на Васильевском острове

Мих. Киселевич

Началом первой русской революции принято считать 9 января 1905 года.

В те годы ни в одном европейском государстве не было столько гнета и насилия над рабочими и крестьянами, как в царской самодержавной России, где фабриканты и помещики при помощи царских чиновников, полиции и жандармов заставляли работать по 15 часов в сутки и жить впроголодь.

Крестьяне имели ничтожные наделы земли и были в полной зависимости от помещиков и царских чиновников.

Разразившийся промышленный кризис в 1899—1903 гг. создал безработицу, так как заводы за отсутствием заказов стали закрывать или сокращать производство, снижая зарплату. На почве снижения заработка и вообще плохих условий работы во многих городах юга России вспыхнули стачки рабочих. Крестьянство, недовольное поборами чиновников и гнетом помещиков, изгоняло их или убивало и делило помещичьи земли между собою.

Назревала революция. Царские чиновники видели, что одними репрессиями, арестами и высылками революционного движения не остановить, так как рабочее революционное движение приняло широкие размеры.

В то же время царские войска зверски расправляются с крестьянами тех губерний, где происходят восстания крестьян против помещиков.

Чтобы подавить революционное движение среди рабочих и возмущение крестьян, царское правительство провоцирует японское правительство на войну, и в феврале 1904 года началась война с Японией.

Но неудачи русско-японской войны усиливали политическое брожение. Среди рабочих успешно шла агитация социал-демократов.

Небольшое событие — увольнение с Путиловского завода четырех рабочих— послужило сигналом к забастовке сначала на Путиловском заводе, а затем стачка быстро захватила почти все фабрики и заводы Петербурга. 7 января прекратили работу типографии, и на следующий день не вышли газеты.

В эти дни революционные партии особенно сильно развили свою агитацию среди рабочих против царского правительства, и было выпущено большое количество революционных листовок.

Но рабочие в своей массе были несознательны. Имя царя еще было окружено недосягаемой таинственностью. Существовало убеждение, что министры обманывают царя, что царь не знает правды.

Это дало возможность священнику Гапону увлечь рабочих на хождение к царю крестным ходом с петицией «искать правды и защиты», как говорилось в этой петиции.

Сначала в петиции были только экономические требования, но под влиянием масс Гапон вынужден был включить и политические требования: учредительное собрание, освобождение из тюрем и ссылки всех пострадавших за политические убеждения, об'явление всех свобод и т. д.

Социал-демократы предупреждали рабочих, что царь добровольно ничего не даст, что только вооруженным восстанием и свержением самодержавия народ добьется свободы.

Накануне 9 января царь тайком уехал из Петербурга, и когда рабочие 9 января в праздничных одеждах, с женами и детьми, двинулись с окраин к Зимнему дворцу, они встречены были залпами из ружей. Всюду были войска в полном боевом порядке и всюду расстреливали невооруженную толпу.

Так расстреляна была вера в царя, так царь ответил своему народу. Убитых и раненых в этот день в Петербурге было около 7.000.

И впервые были стихийно воздвигнуты баррикады на Васильевском острове, на Невском.

Тов. Ленин писал, что после 9 января можно впервые сказать, что рабочие теперь пойдут на баррикады. Их царь-батюшка сам толкнул на это своей кровавой расправой с невооруженными рабочими, он сам дал им первые уроки борьбы на баррикадах.

События 9 января в Петербурге вызвали сильные возмущения рабочих по всей России. Всюду рабочие присоединялись к забастовкам, и к концу февраля бастовало больше миллиона рабочих.

Правительство еще имело достаточно сил для борьбы и отделалось мелкими экономическими уступками.

Из городов революционное движение перешло в деревни, где крестьяне в борьбе с помещиками жгли их усадьбы, самовольно делали запашки на их землях, вели вооруженную борьбу с полицией, защищавшей помещиков.

III с'езд демократической партии в мае 1905 года в свою программу действий поставил: добиваться конфискации всех помещичьих, удельных, церковных и др. земель.

Война с Японией затягивалась. Неспособные генералы, казнокрады, интенданты, беспечное, пьяное офицерство, поражение за поражением увеличивали недовольство войной; солдаты заражались революционными настроениями рабочих.

Первым серьезным военным вооруженным восстанием явилось восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

Революционная волна росла и ширилась. Образовался крестьянский союз. В августе состоялся первый всероссийский с'езд этого союза. Присутствовало более 100 делегатов от 22 губерний.

На втором крестьянском с'езде 6 ноября было вынесено постановление о созыве учредительного собрания, которое и проверит, на каких условиях земля должна перейти крестьянам. Вместо призыва к вооруженному восстанию повторилась история с подачей петиции царю.

Восстание на «Потемкине» окончательно убедило царя в необходимости заключения мира с Японией. Войско стало ненадежно, а между тем бороться приходилось и с японцами, и с революцией.

16 августа был подписан мирный договор с Японией. Япония, как победительница, получила от России половину острова Сахалина, Порт-Артур и 150 миллионов рублей золотом.

До сентября революционные вспышки происходили в течение всего года неорганизованно, в разных местах, в разное время, и только с сентября стачки и волнения начинают постепенно об'единяться.

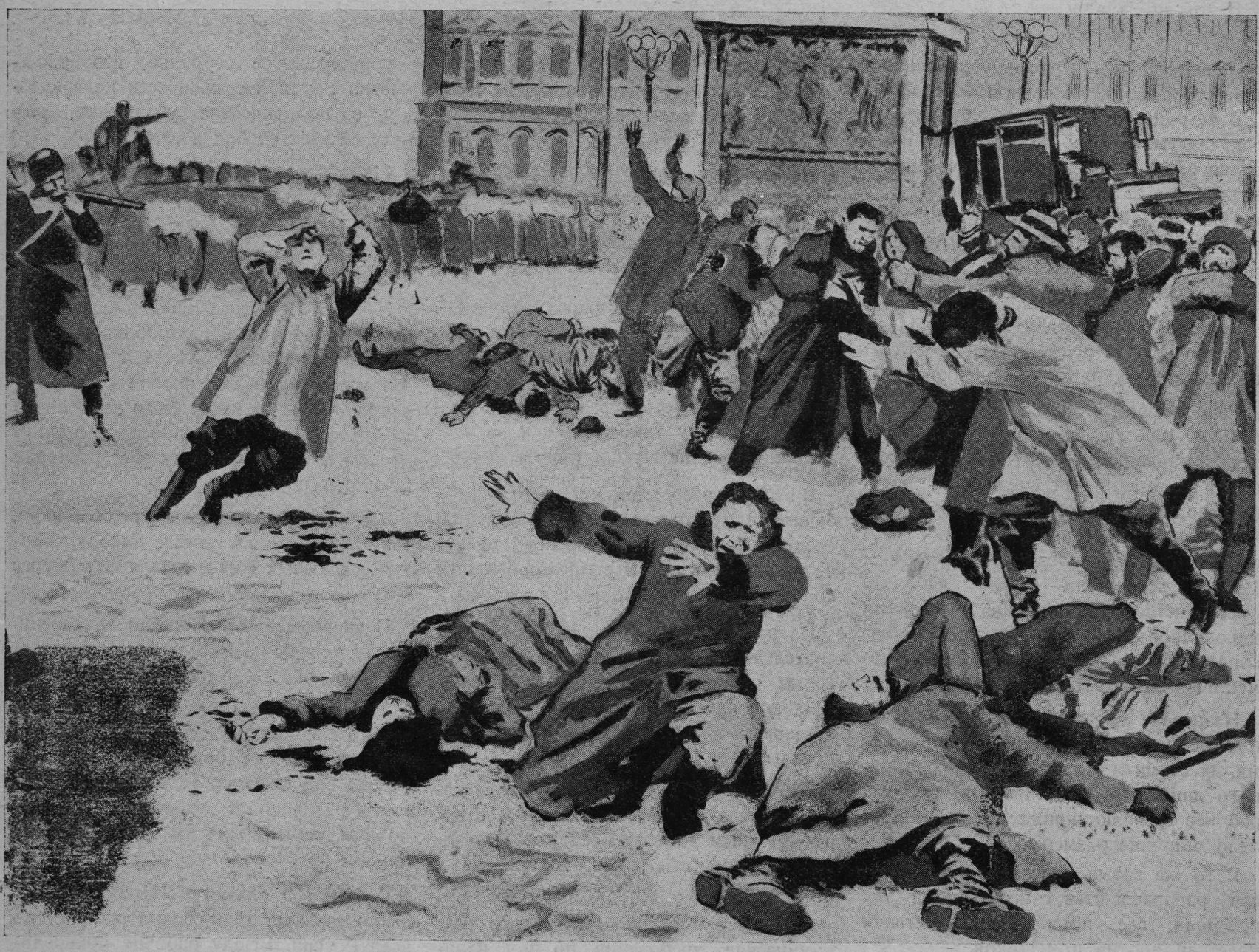
Началом октябрьских событий 1905 года принято считать забастовку московских типографских рабочих и булочников в конце сентября.

Забастовавшие печатники выставили ряд экономических и политических требований. Были устроены уличные манифестации, на которых пелись революционные песни.

Жандармы и казаки разгоняли демонстрантов, но те вступали в схватку.

Потом началась забастовка железнодорожников, и к 13 октября забастовки начали принимать всеобщий характер.

Остановились почти все железные дороги. В Петербурге бастовали все фабрики, заводы, электрические станции, за-



9 января 1905 г. Расстрел рабочих у Зимнего дворца.

крылись магазины, конторы, остановились трамваи.

То же произошло и в других крупных городах.

Партией социал-демократов 10 октября в Петербурге был дан лозунг об организации Совета рабочих депутатов, а 13 октября в помещении Технологического института открылось первое заседание Совета.

В Совет входили только делегаты от рабочих и представители революционных партий.

Вместо буржуазных газет, не выходивших из-за забастовок печатников, Совет печатал революционным путем, посредством захвата типографии, «Известия Совета рабочих депутатов».

Но одной политической стачки, хотя бы и всеобщей, было недостаточно для полного свержения самодержавия, и большевики призывали рабочих к вооруженному восстанию.

Полицейские убирают трупы убитых рабочих.

В эти дни в Харькове, Екатеринославе, Одессе были баррикадные бои.

Меньшевики и социалисты-революционеры считали, что для свержения самодержавия будет достаточно всеобщей забастовки, и царь сам откажется от власти.

А революционная волна все подымалась. Хитрый министр Витте уговорил царя подписать знаменитый провокационный манифест 17 октября 1905 года, по которому царь обещал созвать думу из народных представителей всех классов населения и даровать населению неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собрания и союзов.

А на другой день после подписания манифеста царь дает сигнал через охранку к погромам, и почти во всех городах черная сотня устраивает погромы студентов, интеллигенции и в особенности еврейского населения.

Только в столице рабочие не допустили черную сотню до погромов.

Всеобщая забастовка закончилась 21 октября в 12 час. дня согласно решению федеративного кабинета социал-демократической партии и постановлению Совета рабочих депутатов с тем, чтобы возобновить борьбу в ближайшее время за учредительное собрание.

26 октября в Кронштадте матросы устроили восстание, но оно не имело руководителей и было подавлено. Был назначен военно-полевой суд.

2 ноября петербургский Совет рабочих депутатов об'явил всеобщую забастовку в знак протеста против грозившей кронштадцам смертной казни и против военного положения в царстве Польском.

Полевой суд был отменен.

Жестокое подавление кронштадского восстания вызвало восстание матросов в Севастополе, но и это восстание было подавлено, и лейтенант Шмидт, руководитель восстания, был расстрелян.

26 ноября был арестован председатель петербургского Совета рабочих депутатов, а 3 декабря был арестован весь Совет во время заседания.

Арест петербургского Совета вызвал всеобщую забастовку, но забастовка уже не помогала, нужны были более решительные меры.

В Москве партия большевиков встала во главе вооруженного восстания.

Девять дней московские рабочие сражались с царскими войсками. В помощь войскам, находившимся в Москве, был выслан из Петербурга Семеновский полк с генералом Мином во главе.

Рабочие Москвы не получали поддержки.

В Петербурге забастовка протекала слабо. Второй Совет рабочих депутатов, будучи в подполье, руководил слабо. Вооруженного восстания не было.

Подавление московского восстания было жестокое. Тысячи рабочих были расстреляны без суда и следствия. Генерал Мин издал приказ: «пленных не брать».

Революция 1905 года с ее удачами и неудачами послужила хорошим уроком для дальнейшей борьбы с самодержавием.

Владимир Ильич революцию 1905 г. назвал «генеральной репетицией».

В 1917 году в феврале вооруженные рабочие и крестьяне свергли ненавистное кровавое царское самодержавие, но власть захватили капиталисты и помещики. Тогда рабочие и крестьяне вновь устроили восстание, и в октябре 1917 года вся власть перешла в руки рабочих и под руководством коммунистической партии были образованы по всей стране Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Четырнадцать лет ведется борьба с осколками самодержавия. Четырнадцать лет строит рабочий класс вместе с революционным крестьянством свое социалистическое государство.

Из года в год растет наше социалистическое строительство. В 1932 году этот размах особенно велик, особенно внушителен. Мы можем и должны гордиться тем, что живем в стране, осуществляющей великие задачи строительства социализма.

Рабочий класс и колхозные массы деревни твердо выполняют, считая за дело чести, хозяйственный план пятилетки, осуществляя на деле лозунг «Пятилетка — в четыре года».

страницы из дневника

Детнор Лавров

Рис. Б. Уханова

«Моему дорогому сыну в воспоминание об отце»... — так было написано на первой страничке пожелтевшей от времени тетрадки, которую я нашел в сундучишке моей матери.

Я ее прочитал быстро, залпом, не вставая с колен у раскрытого сундука.

— Почему ты мне раньше его не показала?—спросил я у матери.

— Думала, что ты еще мал. Хотела приберечь, когда постарше будешь, — сказала мать и смахнула со щеки крупную слезу.

Я читал:

«Мальчиком семнадцати лет я приехал из деревни в Москву искать работы. Шумный, незнакомый город оглушил меня, пришиб своей громадиной, и я почувствовал себя маленьким ребенком.

Мне посчастливилось. Работы я искал недолго: земляк устроил меня работать «мальчиком» в пекарню.

Я таскал тяжелые ящики с горячими булками из пекарни в магазин и на воз к возчику, подметал магазин, открывал двери покупателям, бегал с различными поручениями хозяина...

К ночи так утомлялся, что, не чувствуя под собой ног, забирался на чердачный этаж, в общежитие, где на грязном полу была моя постель, и засыпал тяжелым, мертвым сном, но в 4 часа утра уже был опять на ногах, до позднего вечера почти голодный.

О том, что наши пекаря были организованы в революционные кружки, я и не предполагал и понятия об этом не имел.

... подметал магазин, открывал двери покупателям.

Спал я всегда, как убитый, и поэтому никогда не видел, как мои сожители-пекаря устраивали по ночам тайные совещания.

Однажды я заметил, что пекаря особенно оживлены, они о чем-то переговаривались таинственными полуфразами, я старался вникнуть в смысл, но понять ничего не мог.

Среди дня вдруг все побросали работу. Засуетились, заволновались. Пекарня была всего на 40 человек, и все, как один, бросили работу.

Заволновался, забегал, вызванный кем-то, хозяин пекарни Филиппов. Кричали, суетились, спорили.

— ЗАБАСТОВКА!—пронеслось по пекарне.

Шум с каждой минутой увеличивался. Побледневший от страха хозяин звонил куда-то по телефону, и слово «забастовка» часто слышалось в его разговоре.

В квашнях поднималось и лилось на пол поспевшее тесто, на плитах подгорал вкусно пахнувший сладкий крем, в печах горели пирожные, торты, пирожки, а пекаря, забравшись в чердачное помещение, в спальни, уже не шопотом, а громко говорили о забастовке, о событиях в Питере, о своих требованиях к хозяину.

Я с любопытством слушал все речи и не так много понимал, как чувствовал, что совершается что-то страшное, но неизбежное, терся около земляка и старался понять, уловить происходившее.

— СОЛДАТЫ! ПОЛИЦИЯ!! — раздались крики.

Во двор нашей пекарни был приведен взвод солдат и полицейских.

— ЗАКЛАДЫВАЙТЕ ДВЕРИ, РЕБЯТА! — командовал кто-то.

— ОТОЙДИ ОТ ОКОН! СТРЕЛЯТЬ БУДУТ!

Быстро койки, скамейки загородили двери нашего общежития.

Все притихли. Ужас перед неизбежной гибелью сковал всех. Но как только раздалась во дворе команда и послышался залп выстрела,—пекаря заволновались. Табуретки, доски от кроватей, кровати, сломанные столы и все, что попадало под руки, полетело из окон на головы стрелявшим солдатам, я тоже яростно принялся за работу, я даже видел, как брошенная мною табуретка угодила по голове солдата, тот, ругаясь, с остервенелым лицом выстрелил в моем направлении...

Мы были не вооружены...

И скоро почти все сорок, а в том числе и я, семнадцатилетний мальчишка, были проведены сквозь строй озверевших солдат и полицейских и отведены во двор городничего.

Избитые, окровавленные пекаря еле передвигали ноги, я совсем не мог двигаться, и меня волокли насильно.

Во дворе городничего уже было много пострадавших от жестокой расправы.

Это было в 1905 году.

После короткого сидения в тюрьме нас разбросали в разные стороны.

В тюрьме я понял все, и был уже не мальчишка, а мститель со сжатыми кулаками».

Вот часть из дневника моего отца, его воспоминания о 1905 годе.

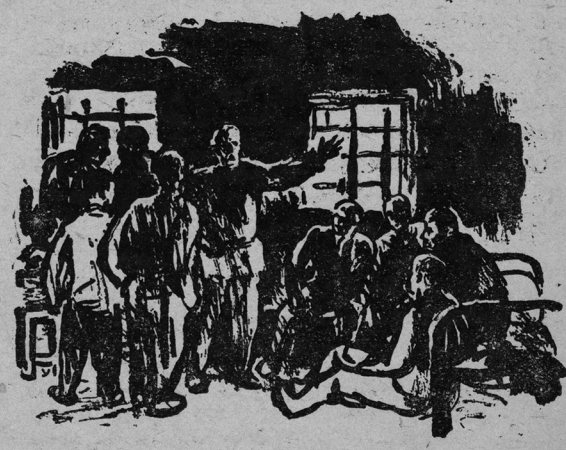
Дальше следовали его этапы по тюрьмам, пешее следование под конвоем почти по всей России в далекий Нарымский край.

В Нарыме родился я. Я смутно помню отца, а может и совсем не помню, а воспоминания о нем у меня остались только из рассказов матери.

Мне было 2 года в 1913 году, когда отец, отбыв ссылку, вернулся из Сибири в Россию и поступил работать на завод, но в 1914 году его мобилизовали, и я его больше не видел.

Дальше я читал у отца:

«Меня посылают на передовые позиции защищать царя и отечество. Таких, как я, напрасно посылают на защиту, плохие мы защитники их интересов...»



... уже не шопотом, а громко говорили о забастовке.

Табуретки, доски, кровати полетели из окон на головы стрелявшим солдатам.

Я перелистывал страницу за страницей интересного для меня дневника, чувство сыновней нежности, гордости за отца росло во мне.

Дневник закончился 1918 годом. Отец писал:

«От империалистической бойни уцелел. С грустью расставался с лучшими товарищами, погибшими на фронте.

Конец близок: возмущение среди войск растет. Наша агитация, утомленность, голод делают свое дело. Защитников «отечества» все меньше и меньше».

Дальше был большой перерыв.

«Так и не побывал дома, не повидался с женой и сынишкой... Иду на Колчака!..»

Это—последняя фраза в дневнике, написанная твердым почерком отца.

«Семен, передай письмо моей семье, тетрадку эту передай сыну, случайно сохранил ее»...—писал замученный колчаковцами отец...

Его уже нет. Он погиб, но передо мной его тетрадь с его записками—его красноречивое завещание следовать по его пути.

Я завещание отца исполняю. Я твердо иду по его пути — Я—КОМСОМОЛЕЦ!

... Я совсем не мог двигаться и меня волокли насильно.

МУЗЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Очерк С. Лейбович

В Москве на Тверской улице есть Музей революции.

В этом Музее освещаются все события революционного движения знаменитыми художниками и фотографами, кроме того вы можете в нем найти много интересных подлинных документов всех зверств царского правительства, царского застенка.

Вот несколько картин, освещающих события 1905 года.

У завода собрались рабочие. Они взволнованы. Они маленькими группами о чем-то совещаются. Это картина «У Путиловского завода», она висит в Музее революции в отделе «Петербургский пролетариат накануне 9 января».

Здесь же документы, оправдывающие эту картину: в прокламации Петербургского комитета РСДРП к путиловским рабочим 5 января пишется: «Директор готов выбросить всех нас, 12 тысяч человек, с нашими женами и детьми на улицу, готов осудить 12 тысяч рабочих на голодную смерть из-за одной заводской собаки, из-за мастера Тетевякина». Эта прокламация висит на стене в Музее и служит историческим памятником, а каких трудностей стоило прочесть рабочему эту прокламацию, с какими осторожностями попадала она в руки рабочего.

3 января рабочие Путиловского завода забастовали, — толчком послужило грубое отношение мастера Тетевякина. Рабочие предложили хозяину ряд экономических требований, к путиловцам присоединились рабочие других заводов, фабриканты не уступали, но и рабочие не сдавались. В это время священник Гапон организовал «Общество русских фабрично-заводских рабочих».

Вот что написано в § 63 устава этого общества:

«При обнаружении в собрании что-либо противного государственному порядку, общественной безопасности и нравственности, а также и по каким-либо другим причинам г. С.-Петербургский начальник закрывает собрание временно или навсегда».

И вот рабочие, организованные в это самое общество, под руководством Гапона решают написать петицию и 9 января, в воскресенье, отнести ее к царю.

Копия с петиции тоже хранится в Музее.

Рабочие верили в царя, видели в нем единственного спасителя, и петиция начиналась так:

«Государь! Мы, рабочие С.-Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старые родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты».

Искренностью, верой и надеждой пропитаны эти слова. Рабочие представляли себе, как выйдет царь, выслушает их петицию, согласится принять меры и «против невежества и бесправности русского народа», и «против нищеты народа», и «против гнета капитала над трудом».

Гапон знал уже накануне, что царь не выйдет, хотя рабочие дали присягу в неприкосновенности царя.

Утро. Громадная площадь Зимнего дворца. С одной стороны выстроены в ряд солдаты, руки их вытянуты, ружья взяты на прицел. С другой — сбившиеся в кучу раненые, убитые рабочие, лужа крови, наклоненные знамена и хоругви.

Так встретил царь рабочих в воскресенье 9 января!

Рабочие были не вооружены, ведь они дали присягу не трогать царя.

На двух картинах изображено то же воскресенье, но вечером.

В кучу навалены сани, стулья, доски, — рабочие строят баррикады. Они нарушили присягу. На другой картине— Васильевский остров, вооруженные рабочие ожесточенно сражаются с войсками.

Царь Николай II так написал в своем дневнике о 9 января.

— «9 января. Воскресенье.

Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в различных местах города, было много убитых и раненых.

Господи! как больно и тяжело!»

Бедный, бедный царь!.. А рядом со страничкой из дневника висит карикатура: Николай II, распухший от горя, выпятив живот, стоит на балконе и держит на руках, прижав к щеке младенца-сына. Он с «болью» созерцает расстрел рабочих своими войсками. Верно, что «больно и тяжело!».

Но царь добросердечен, он не помнит зла, и лубочная картина, выпущенная после 9 января — «Он прощает», рассказывает нам о том, как царь, окруженный своими верноподданными, произносит речь перед «нарядными, счастливыми» рабочими: «я верю в честные чувства рабочих людей и непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их». — Этими словами царь хотел загладить свои поступки.

Царь издал манифест, в котором призывал русский народ к смирению и послушанию:

«Мы, Николай II, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая и прочая», начинается манифест, и дальше царь пишет о непослушании народа и что он «со смирением принимает все сии непослушания»... (хороши смирения).

Но РСДРП живо разоблачила «сию божию милость», партия издала «Вольный перевод манифеста», перевод был такой:

«Милостью пушек, пулеметов и ружей мы, Николай последний, убийца и наследник всероссийский, палач и клятвопреступник финляндский, об'являем всем нашим маловерным подданным...»

РСДРП смело писала в прокламации «Долой царя-убийцу». «Да здравствует революция всей России».

Карта России вся утыкана кружочками, обозначающими стачки.

Вся Россия всколыхнулась. Красными зигзагами поднимается кривая диаграммы рабочего движения в России. В 1904 году в стачках принимало участие 25.000 рабочих, а в январе 1905 года — 414.000. Даже после такого беглого осмотра выставки станет вполне понятна цитата Ленина: «Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни».

Московский Музей революции

7-го ДЕКАБРЯ В МОСКВЕ СОСТОЯЛСЯ ПЛЕНУМ ЦК ВЛКСМ, НА КОТОРОМ ОДНИМ ИЗ ГЛАВНЫХ ВОПРОСОВ СТОЯЛ ВОПРОС О ШКОЛЕ.

В „ПИОНЕРЕ“ № 2 БУДЕТ ПОМЕЩЕН МАТЕРИАЛ О РАБОТЕ ПЛЕНУМА И ЕГО РЕЗОЛЮЦИИ

Карл Либкнехт

Карл Либкнехт—незабываемый вождь германских рабочих.

Долгие годы он боролся в рядах германских революционных рабочих.

Для борьбы против реформистов он организовал союз «Спартак», который в конце декабря 1918 года реорганизовался в коммунистическую партию Германии.

Карл Либкнехт — один из первых организаторов юношеского движения, он вел неутомимую антимилитаристическую пропаганду и сыграл большую роль в организации молодежи, хотя и делал в тактических вопросах юношеского движения некоторые авангардистские ошибки.

В начале войны, когда социал-демократия открыто предала рабочий класс и перешла окончательно на сторону буржуазии, Либкнехт не выпустил из рук знамени международной солидарности.

Он был единственным депутатом рейхстага, который голосовал против военных кредитов и громко кричал на весь мир о грабительских целях империалистической войны.

За агитацию против войны Либкнехт был брошен в тюрьму. Освободили его рабочие и солдаты в день немецкой революции.

Как только перед Либкнехтом раскрылись ворота тюрьмы и он увидел приветствовавшую его толпу, первым его словом было приветствие Германии и, молодой в то время, Советской республике.

Свою пламенную речь он закончил возгласом:

— Да здравствует социалистическая республика Германии!

И неизвестный солдат под восторженные крики толпы ответил:

— Да здравствует Карл Либкнехт — ее первый президент!

Неустанными призывами к созданию советской власти в Германии он навлек на себя жгучую ненависть контрреволюции и в особенности вождей социал-демократии: Шейдемана, Эберта и Носке.

Под их руководством руками контрреволюционных офицеров было потоплено в крови спартаковское восстание в январе 1918 года. Под их же руководством был зверски убит любимый революционный вождь пролетариата—Карл Либкнехт. Он был арестован в Вильмендорфе, в одном из районов Берлина, его привели в отель «Эден», где помещался штаб контрреволюционных войск.

В тот же день, 15 января 1919 года в 9 часов 30 минут вечера шайка офицеров вывела Либкнехта из отеля «Эден».

Егерь Рунге дважды ударил его сзади прикладом по голове. У Либкнехта подкосились ноги, и он упал в полубессознательном состоянии. Его сунули в автомобиль и повезли в Моабитскую тюрьму. По дороге произошла «поломка автомобиля». Либкнехта спросили, чувствует ли он себя вполне хорошо, чтобы итти пешком? Он был очень слаб. Тогда двое взяли его под руки справа и слева, двое шли впереди, двое сзади.

После нескольких шагов Либкнехт был убит «при попытке к бегству».

Первый выстрел дал капитан фон Пфлуг-Гартунг!

Когда Либкнехт упал замертво, автомобиль оказался исправным.

Офицеры отвезли труп в морг и сдали как «неизвестного покойника».

Убийством Либкнехта буржуазия и ее социал-фашистские агенты надеялись убить в Германии большевизм.

Но они ошиблись. Компартия Германии разрослась в могучую силу, за которой идут миллионы трудящихся, и ведет героическую борьбу за полную победу пролетарской революции.

На снимках:

Карл Либкнехт.

Арест тов. Либкнехта.

Карл Либкнехт на митинге.

МАРШ ЮНЫХ

Электрики мы юные—
Сомкнутый строй.
Ударною коммуною
Смелее в бой!
По недостаткам школы бей!
Эй за учебу веселей!
Науку всем!
За качество учения
Деремся мы—
Под радостное пение.
Не стало тьмы!
Окреп, возрос рабочий класс,
Окреп союз рабочих масс.
Сияет свет!
Завод краснознаменный—
Страны герой—
Советами рожденный,
Шагает в бой!
Следим, как выполнен заказ,
Везде нам нужен зоркий глаз.
Работа есть!
Машину и науку
Сомкнем в одно!
Пожать заводу руку
Пора давно!
Полезен всем упорный труд,
Здесь бодрость, счастье куют
Стальной народ!
Мы, смена старшим братьям,
Шагай смелей!
Нас гад клеймит проклятьем...
Пой веселей!
Держи победный выше стяг,
Растопим лед, развеем мрак..
За книгу в бой!
Электрики мы юные—
Сомкнутый строй.
Ударною коммуною
Смелее в бой!
Окреп, возрос рабочий класс.
Окреп союз рабочих масс.
ВПЕРЕД! ВПЕРЕД!

Деткор И. Фейгельман.

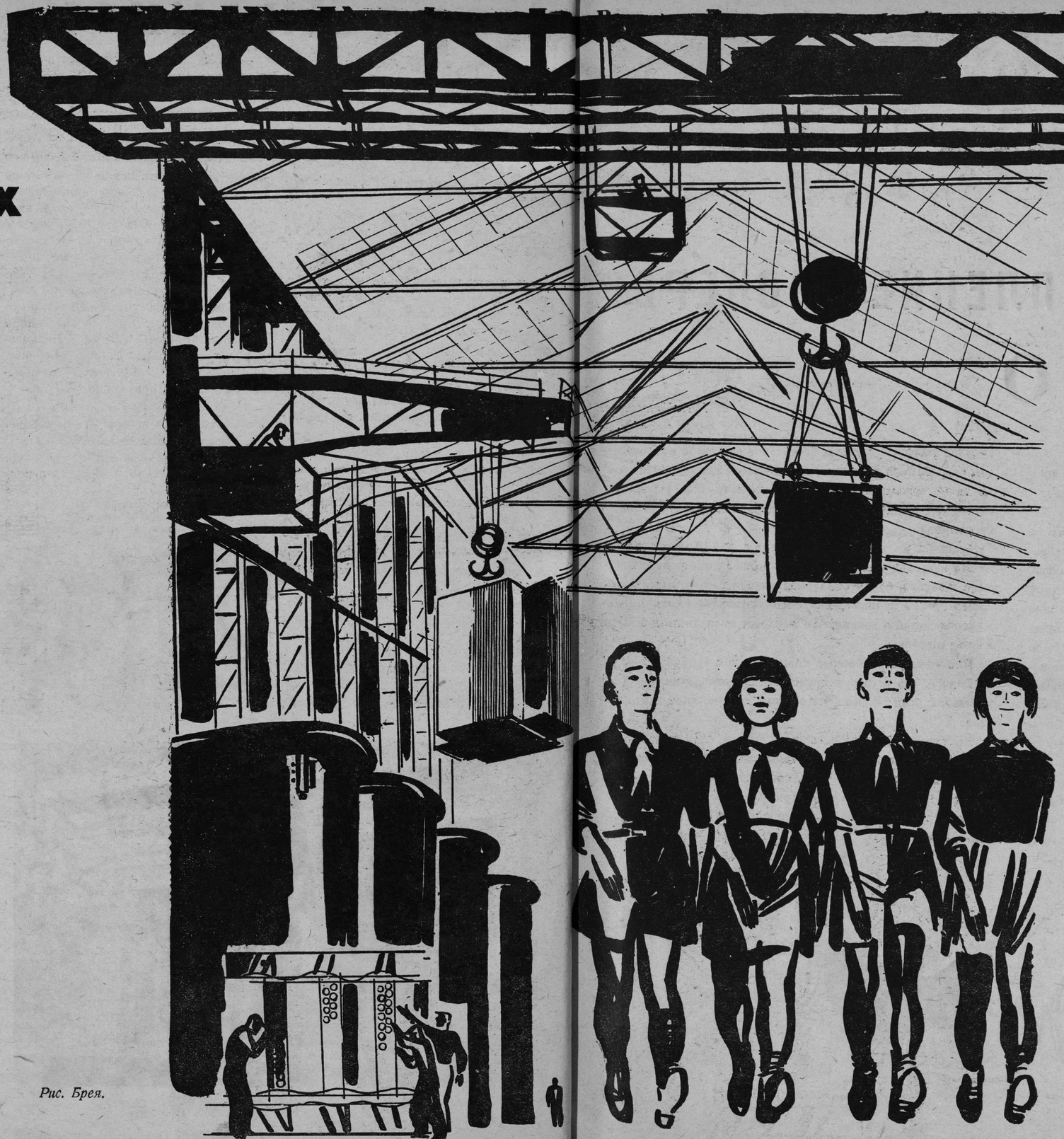
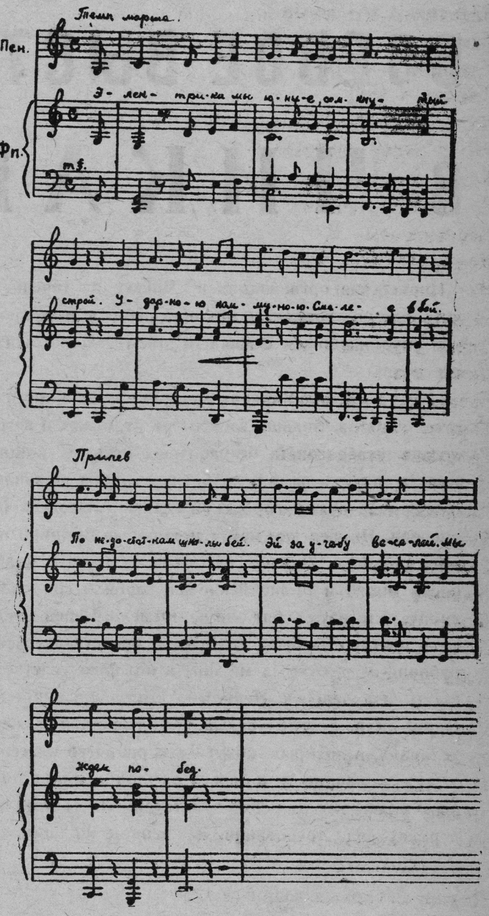


Рис. Брея.

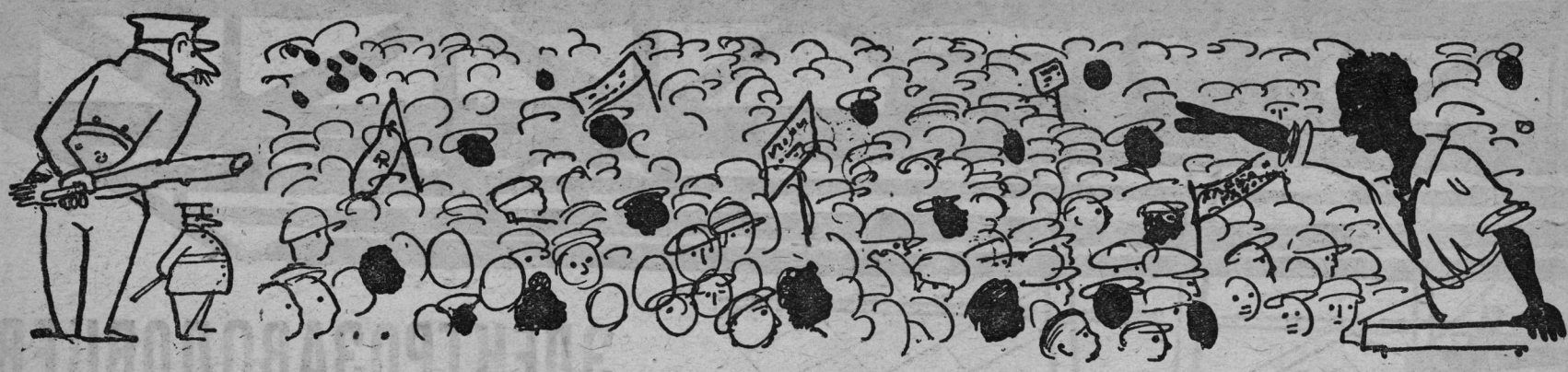
ЭЛЕКТРОЗАВОДОВЦЕВ



М. Фейденгольд, давший музыку к тексту, — ученик ФЗУ Московского электрозавода. Это — его первое произведение в ответ на призыв рабочей молодежи в музыку.

М. Фейденгольд работает в творческой группе МУЗОРАМА (музыкальная рабочая молодежь), где он учится искусству писать музыку. Песня была проверена композитором Н. Чемберджи и прошла проработку в творческой группе МУЗОРАМА.

К музыке, написанной М. Фейденгольдом, написал слова деткор тов. Фейгельман. Это — его первое стихотворение.



БОЕВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ПИОНЕРОВ В ЧИКАГО

Рис. Коневского.

Пионерская организация в Чикаго в течение сентября устроила ряд голодных походов ребят в знак протеста против ухудшающихся с каждым днем условий жизни пролетариата.

Газета «Дейли Уоркер» приводит подробности одного из этих походов. Больше трехсот ребят, белых и негров, собралось в штабе совета безработных южного района Чикаго. Вместе со взрослыми безработными они отправились к дому ольдермена—члена городской управы Андерсена. Ребята шли впереди. Пионерские песни и хоровые выкрики подняли на ноги полицию. Однако, несмотря на то, что полиции было очень много и полицейские автомобили сопровождали колонну, разогнать ребят они не посмели. Перед домом ольдермена поставлена была трибуна, и представитель комсомола, рабочий-негр, открыл митинг, в котором участвовало больше тысячи человек. Первыми выступали двое пионеров. Один—негр, другой—белый. Оба говорили о жесточайших условиях, в которых живут дети рабочего класса, и призывали к солидарности в борьбе с голодом и нищетой. Избрана была делегация от ребят и матерей, чтобы пред'явить ольдермену ряд требований. Важнейшие из них: бесплатные горячие завтраки, одежда, бесплатное школьное пособие детям безработных и работающих неполное время, отмена платы за материалы для занятий ручным трудом, увеличение сети школ, врачебный надзор и уход за здоровьем ребят за счет города.

Полиция не допустила делегатов в дом. Толпа ответила на это настолько решительно, что вышел помощник ольдермена и заявил, будто ольдермен находится в от'езде. Он не нашел ничего лучшего, как посочувствовать тяжелому положению детей и заявил, что жертвует пятнадцать долларов в фонд помощи.

Пионеры и безработные прогнали его с трибуны.

Горячо был встречен представитель компартии, который в сильной речи показал, чего стоит «сочувствие» капиталистов.

Выступавший после него негр, пионер, заявил, что никакие пожертвования не спасут капиталистов от революции.

Демонстрация закончилась организованным шествием по улице Чикаго и боевыми песнями.

Пионеры отбили все попытки полиции арестовать вожаков похода.

Рис. художкора Бейдера.

ВСТАВАЙ, ПРОКЛЯТЬЕМ ЗАКЛЕЙМЕННЫЙ!

ВХОД СВЕРХУ

Рис. Е. К. **Л. Кассиль.**

Обстоятельно и многократно описывалось, как люди от'езжают.

Уже точно известно, что говорят и слышат при этом:

— Ремни затянуты?.. Где узлы?.. Запирай чемодан. Ну, собрались?

— Извозчик. До вокзала?.. Что?.. Пятишка? За трешку поедешь... Ну трогай.

— Ой! Ой! Ой!.. Кошку забыли!..

— Тпру!.. Приехали!

Первый звонок: скорый поезд Саратов—Москва через Тамбов, Козлов, Павелец, Бирюлево.

— Куда прешь? У тебя на билете написано «вагон 6, место 4», а ты в четвертом вагоне шестое место ищешь!

— Давай, желтые ботинки чистим-блистим...

— Журналы «Огонек», «Правда», «Известия», «Крокодил»! Кому?

— Гражданин, уберите ноги, вы их мне на голову кладете.

— Которые провожающие — прошу покинуть вагон. Поезд тронится.

Дон! Дон!.. Фьюю-ю-ю-ю!... Угу-гу!.. Чмок! Чмок!..

— Пишите!.. (чмок).

— Караул! Кошка убегла...

Поехали...

Не менее подробно изучено отплытие.

— Давай третий!.. (гудит). Отдай носовую. Трап убрать! Левое назад! Правое вперед!

— Маменька, погадитя... М-и-н-е в Астрахань требуется.

— Ну куда, гражданка, куда! Ведь этот пароход в Нижний-Новгород идет...

— Отдай кормовую... Вперед: тихий ход!.. Средний!.. Стоп! Эй, лодка. Куда прешься?.. Вперед, до полного...

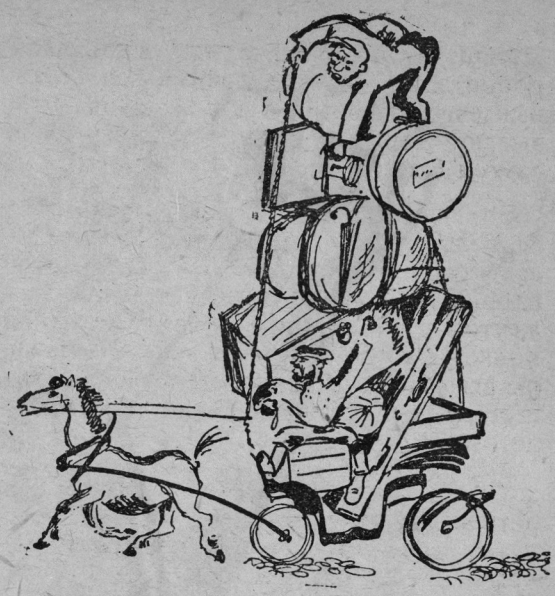
Поплыли...

От'езды и отплытия, вокзалы и пристани изучены до тонкости. Но мы почти ничего не знаем о том, как отлетают люди. Воздушные пассажиры, авиопровожающие и поведение их на аэровокзалах никем еще не описывались. Потому что и аэровокзалов-то у нас еще до сих пор не было. Не было их до шестого ноября этого года. Шестого ноября открылся первый советский аэровокзал в Москве.

Уже давно красная столица нуждалась в воздушном вокзале. Еще в 1926 году с аэродрома Москвы взлетели пассажирские аэропланы в Кенигсберг, Берлин, в Харьков, Ростов и Баку. В 1929 году московский аэродром стал промежуточной станцией на огромной международной линии: Берлин—Москва—Иркутск. А в 1930 году над Оренбургом появился первый самолет пассажирской воздушной линии Москва—Ташкент. На карте СССР, кроме черных пунктов шоссейных дорог и красных железнодорожных линий, протянулись голубые нити воздушных путей. Сеть их с каждым годом густела. И много голубых нитей пересекалось в Москве, завязываясь в большой воздушный узел.

А в Москве на аэродроме, на Ходынском поле, где пересекались эти воображаемые нити, стоял маленький, скромный и тесный домишко. Это и была московская аэростанция. Втиснутые в три комнатушки этого домишка люди, авиоработники и авиопассажиры, мечтали о настоящем большом и просторном вокзале для самолетов. С 1930 года мечтатели начали с надеждой выглядывать из окошек домишка: на северо-западной стороне центрального аэродрома началось строительство большого московского воздушного порта. Прежде всего построили из бетона, мрамора и стекла отличный аэровокзал. Сейчас здание вокзала уже закончено и оборудовано. А в 1932 году будет закончена постройка ангаров (земные жилища самолетов), складов, ремонтных мастерских, гаражей (жилища для автомобилей), аэроклуба и так далее. В 1932 году через московский аэропорт будут пролетать ежедневно сорок самолетов.

А в 1933 — сто. Зимой и летом, в слякоть, в жару и в стужу, днем и ночью, круглые сутки и круглый год будут снижаться и вздыматься над аэровокзалом рокочущие воздушные корабли.



Пора теперь уже рассказать подробно, как улетают люди.

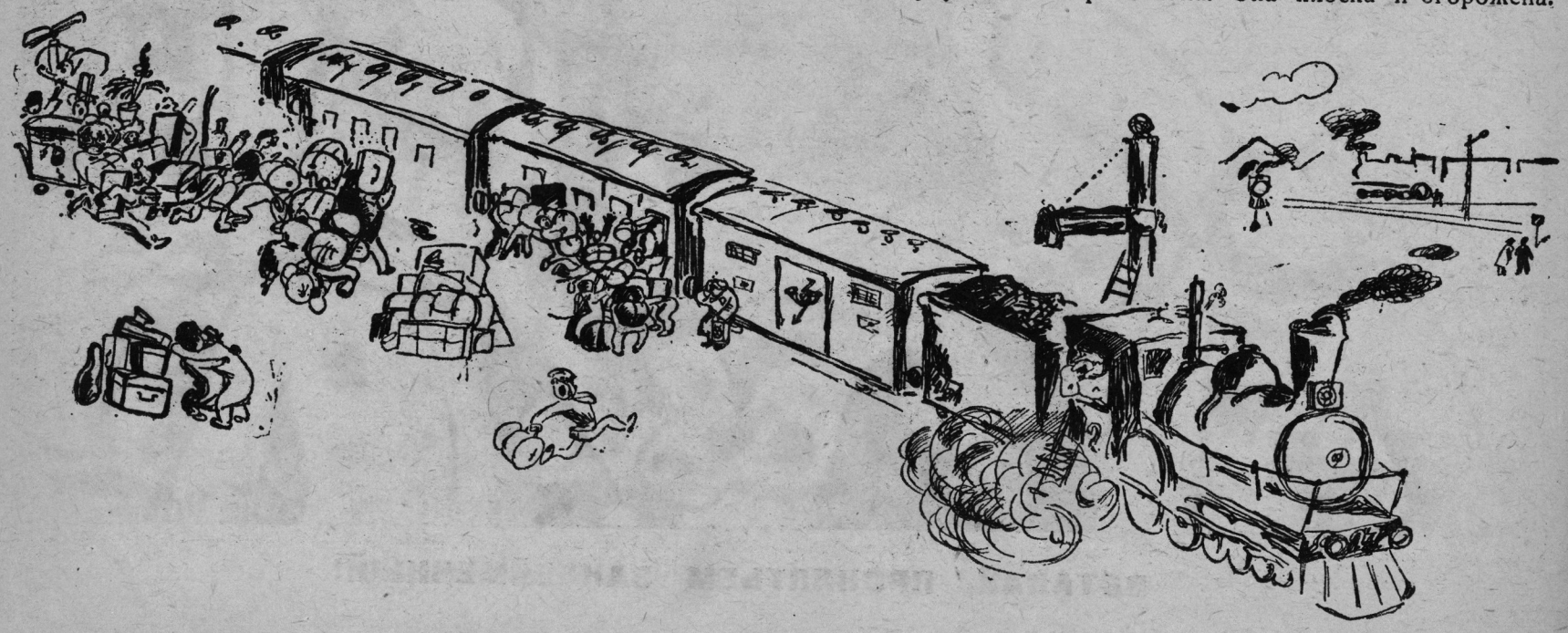
Синий автобус общества воздушных сообщений подвозит нас ночью к аэровокзалу. Аэровокзал сияет сквозь стекла, как гигантский фонарь. Ночи здесь нет. Прожекторы заливают лучами асфальтовую площадь перед вокзалом и памятник Ленину. Один за другим подкатывают автомобили, и торопливые люди выскакивают из них, хлопая дверцами. Носильщики с серебряными пряжками на фартуках взвешивают багаж.

В большом зале ожидания у доски воздушного расписания толкутся ожидающие, улетающие, провожающие и встречающие. Будущие небесные путешественники подкрепляются в буфете-ресторане. Летчики отдыхают в своей комнате.

Тем временем на воздушной площадке аэропорта идут приготовления к встрече и отлету самолетов. Выкатывают самолет, проверяют моторы. Мощные лучи прожекторов мечутся в облаках. В зале ожидания кричат громкоговорители:

— Внимание! — призывают они, — внимание! Самолет из Ташкента опаздывает прибытием на четыре минуты. Машина снизится ровно в 22 часа.

Встречающие устремляются на крышу аэровокзала. Она плоска и огорожена.



Отсюда отлично видна вся площадь аэропорта. На ней зажигаются разноцветные сигнальные огни. Прожекторы указывают место, где сядет ташкентский самолет.

Вот уже слышен. Затем в черном небе мелькает красный огонек. Он описывает круг, спускается... На освещенную площадку садится, сверкая в лучах прожекторов, большой самолет. Потом он подкатывается к аэровокзалу. Пассажиры выходят из кабины. Встречающие машут руками, узнавая своих среди прилетевших.

Пассажиры, оглушенные слегка в полете ревом мотора, улыбаются и с наслаждением идут по твердой земле. Какому-то толстяку нехорошо. Он бледен. Его закачало в воздухе. Сейчас же появляется врач, уводит его в приемный покой. Через пять минут толстяк возвращается. Он порозовел, от него пахнет лекарством. На аэровокзале все предусмотрено.

Громкоговоритель опять что-то кричит.

— Внимание! — раздается в притихнувшем зале, — самолет на Баку поднимается через пятнадцать минут. Просьба к пассажирам занять места.

Авионосильщики несут чемоданы. Авиоконтролеры проверяют билеты. Огромный самолет стоит перед вокзалом. Он освещен внутри и снаружи. Пассажиры рассаживаются в мягких креслах. Они осматриваются и успокоенные видят дверцу с надписью: «Пользоваться на остановках воспрещается» Все в порядке. Мотор уже иногда принимается приглушенно рычать, как певец, пробующий голос перед выступлением. С крыши вокзала машут платками провожающие. Кто-то кричит оттуда:

— Коленька... Телеграфируй. Я за тебя боюсь. У тебя насморк, а в облаках сыро.

Авиокондуктор предлагает боящимся тошноты особые непромокаемые мешочки. Бакинский комсомолец сидит у окна, отвергает эти излишние предосторожности. Ему летать невпервые...

Дверцы хлопают. Люди снаружи отбегают от самолета

— Контакт?

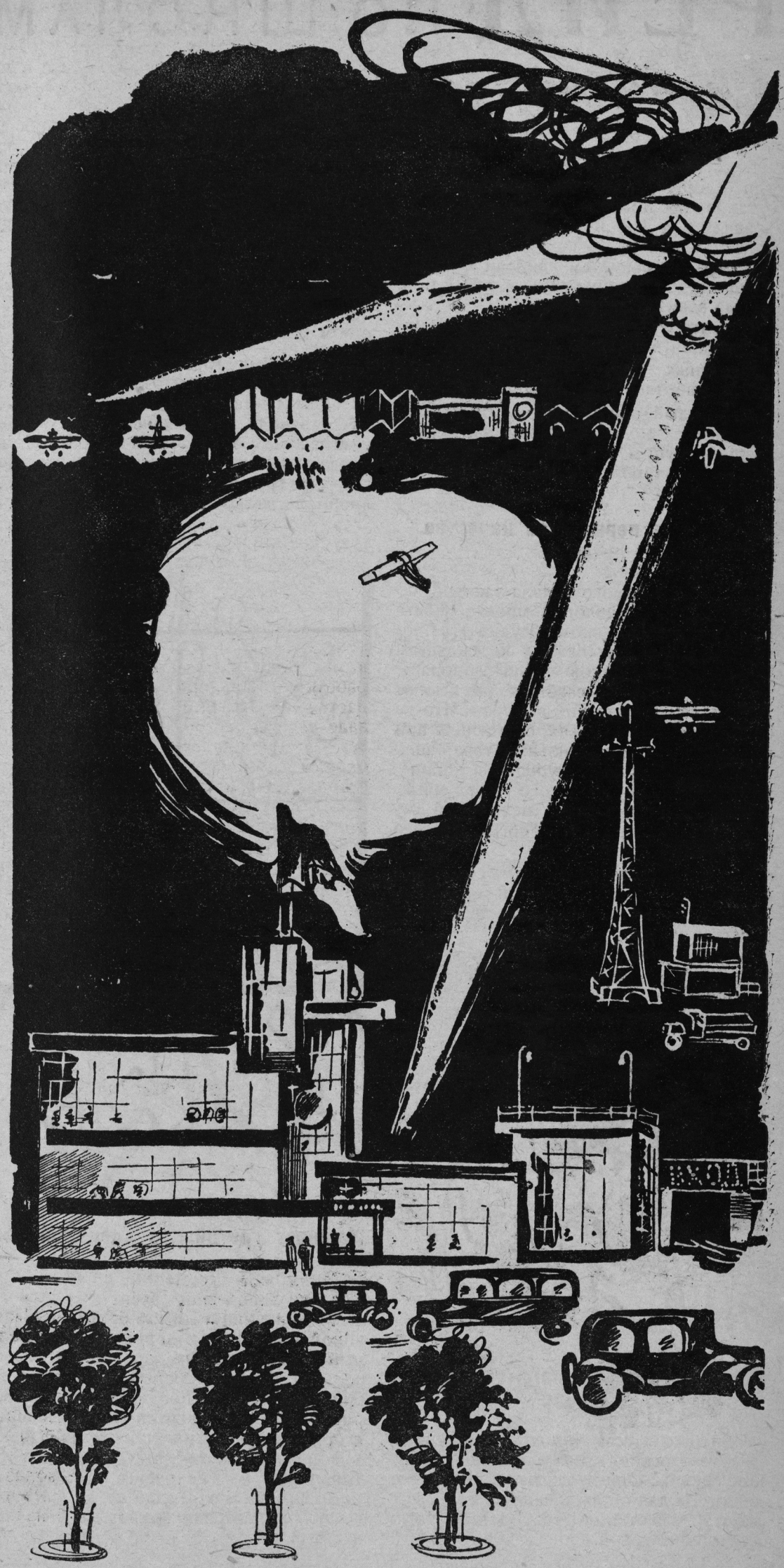
— Есть контакт!

Ревя и содрогаясь, побежала машина по освещенному полю. И вот уже светящая румянность чертит ночное небо Москвы. Потом она исчезает.

Все.

У Москвы было девять вокзалов. Вокзалы—это входные двери города. Девять дверей Москвы открыты для приезжих с суши. Одна—с воды. Это—пристань на Москва-реке.

Теперь Москва приобрела десятый вокзал. Не «Москва—Курская», не «Москва — Нижегородская». а «Москва-воздушная». Вход сверху.



РЕЙД по ШКОЛАМ

Рис. художника Салтанова

Михаил Федюшкин, Ив. Кондратьев

Шел снег. Облепленный белыми хлопьями трамвай № 43, звякнув буферами, остановился. Мы вышли из трамвая и отправились в 1-ю ФЗС при Электрозаводе.

Войдя в школу, мы увидели в одном из кабинетов группу ребят, вошли к ним. Беседа завязалась быстро.

Вот что они рассказали нам о самоуправлении в их школе.

Основных маршрутов, по которым сейчас работает школа, — шесть.

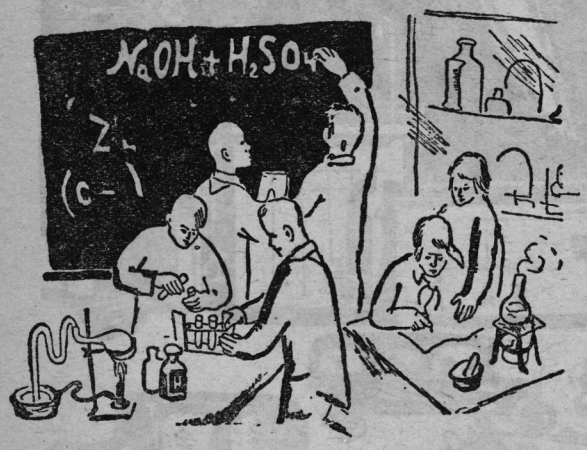
За каждый маршрут отвечает отдельный член учкома. В учком входит от каждой группы по одному человеку, только из старших групп—по два.

Маршрут первый: за качество учебы

В школе, с самого начала занятий, по всевозможным причинам многие ребята стали отставать. Учком обсудил этот вопрос и прикрепил слабых к сильным. Теперь после уроков сильные прорабатывают задания со слабыми, разъясняют им непонятные для них вопросы. Что не было понятно на уроках, отстающие при помощи учителей и сильных товарищей прорабатывают после уроков в кабинетах, специально для этого созданных. Здесь можно показать непонятый отстающим опыт, здесь — географическая карта, книги.

Тихо ходят по коридорам, стараются не помешать заниматься. Так организованы занятия с отстающими, дерутся за качество учебы.

Днем ребята занимаются бригадами. В бригаду вливают слабых и сильных. За порядком во время уроков смотрит учкомовец—групповод.



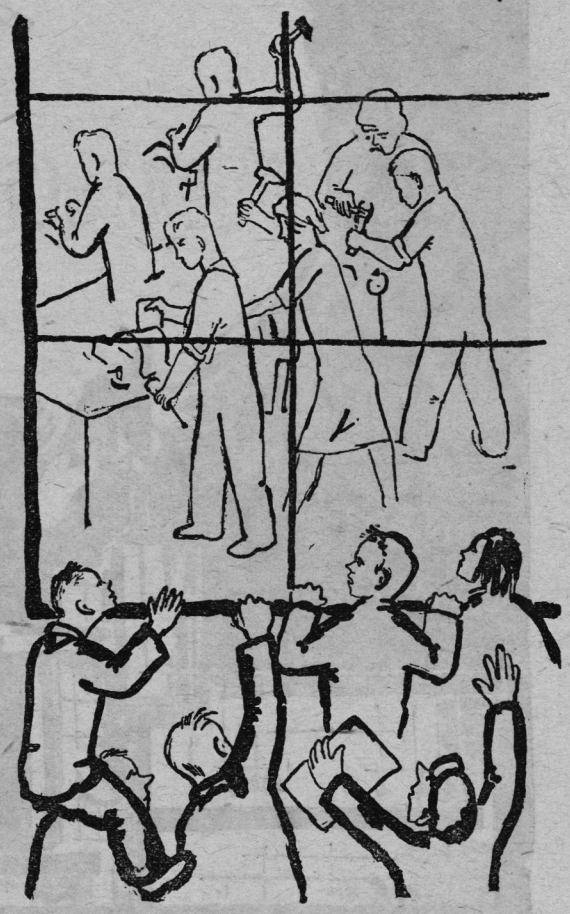
Маршрут второй: за политехническую школу

При школе есть хорошо оборудованные мастерские, в них работают младшие группы. Они делают самые простые предметы для оборудования школы, всю работу делают под руководством ребят из старших групп.

Четвертые и пятые группы работают на заводе в столярной мастерской, ребята делают палки для лопат и вил и другие сельскохозяйственные вещи для подшефного колхоза.

Ребята шестых групп работают на токарных и слесарных станках, их всех прикрепили к мастерам, и под руководством мастеров они работают.

С седьмыми группами дело обстоит плохо. Дело в том, что договор у них с заводом составлен, но не заключен, так как у завода нет лишних денег, чтобы пригласить специалиста-инженера, и когда разыщут деньги — неизвестно. Седьмые группы ждут разрешения этого вопроса с нетерпением.



Маршрут третий: за здоровый быт

Учкомовцы совместно с учителями выявили заболевших ребят и отправили их по больницам. Школа бригадой Иванкиной приведена в опрятный вид. Каждый месяц в школе проводится генеральная чистка. Каждый день одна из бригад проверяет посуду, в которой варятся горячие завтраки. К сожалению, «горячие» завтраки почти всегда бывают холодными и привозятся к концу занятий, когда многие ребята уже должны итти домой. Учком еще не добился того, чтобы завтраки привозили к началу занятий.

Маршрут четвертый: культурно-массовая работа

На заводе шли перевыборы месткома, и ребята-школьники по этому поводу устроили митинг и развесили плакаты.

При школе ребята организовали ряд кружков, но они работают и плохо и не все.

Каждую декаду школьники ходят коллективно в театр или в кино.

Маршрут пятый: за всеобуч

По этому маршруту сделано мало, только выявили и предложили 53 необучающимся начать заниматься.

Маршрут шестой: озеленение школы

По этому шестому маршруту тоже мало сделано ребятами. Посадили деревья вокруг школы, этим и ограничились.

Мы в 4-й школе БОНО

Около нас собрались ребята. Они охотно отвечают на наши вопросы.

— Работаем мы,—говорит предучкома,—по маршрутам.

Так же как и в других школах дерутся за поднятие качества учебы, так же подтягивают успевающие своих неуспевающих товарищей.

— А как у вас с дисциплиной? На уроках бузите?

Учкомовец мнется, видимо, стесняется.

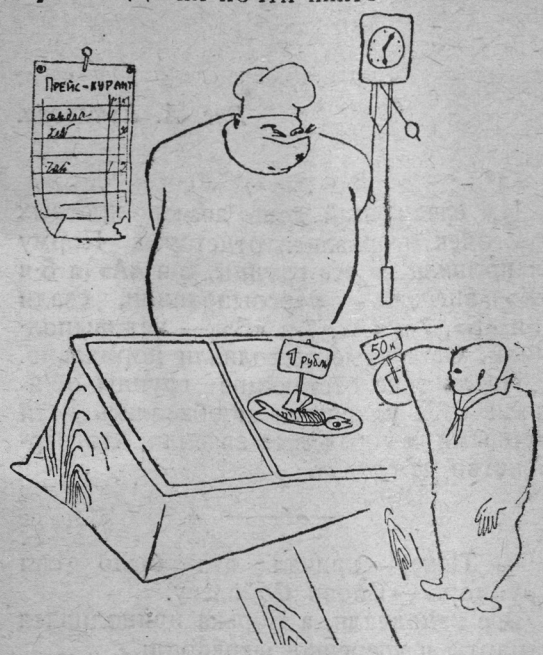
— Да что там, выкладывай все!— подбадривает его кто-то из ребят.

— С дисциплиной у нас благополучно во всех группах, кроме седьмых, а в седьмых часто буза поднимается, драться за дисциплину приходится, очень медленно, но изживаем это зло,—говорит учкомовец.

Он стесняется: наш карандаш бегает по странице блокнота, его это смущает.

— На счет горячих завтраков как?

— Плохо,—отколол кто-то из ребят.— Завтраки дают нам и плохие и очень дорогие. Да их почти никто и не ест.



— Что же учком не заботится о завтраках?

— Да работа налаживается по всем рейдам, но только медленно, думаем и с этим вопросом подтянемся.

Богородская школа ФЗС № 2

Каждая группа разделяется на пять бригад, каждая бригада прикреплена к маршрутам, к каждому маршруту прикрепляется член учкома.

Работа маршрута. Борьба за качество является сейчас самой главной борьбой. Приходится бороться с прогулами и опаздываниями на уроки, классная дисциплина хромает во-всю.

Из толпы ребят вышел один и предложил нам прослушать рассказ о нем, о Васильеве.

— Затащил меня товарищ на «швейцарку», покататься перед занятиями. Ну, катались, катались, да на урок и опоздал. Злился, что трамвай долго идет, злился на товарища, что затащил, на самого, и не придет в голову мысль позлиться, что не во-время вздумал развлекаться. Пришел в школу, неудобно заходить в классный кабинет, перед бригадой неловко. С досады дернул я дверь кабинета, вхожу, хочу сесть за стол со своей бригадой, а член учкома говорит: «Нет, Васильев, ты садись вон за тот стол». Смотрю: в углу, далеко от всех, стол, над столом плакат: «Стол для опаздывающих», и лозунг **«Позор опаздывающим!»**.

Сел за стол, голова кружится, досадую на ребят, что позорить начали, а самому хочется закричать: «виновен, виновен, сознаюсь». А все-таки злюсь, даже морду собирался набить за это учкомовцу...

— А как теперь?—спрашиваем мы.

— Теперь его бригада самая ударная, все хвосты подтянули,—отвечают другие ребята за Васильева. Всем нам примером служит!

Рейд по школам мы еще будем продолжать, а пока закончим пожеланием драться за проведение в жизнь всех маршрутов, намеченных учкомами.

Рис. художкора Пахомова

КАК НЕ НАДО ПОЛИТЕХНИЗИРОВАТЬСЯ

Рис. художкора Смелова

Над нашей школой взяли шефство гараж, Плодовинзавод и почта, был разработан план шефства, утвержден.

Спустя некоторое время три первые бригады шестого семестра отправились на Плодовинзавод.

Придя на завод, ребята очутились в незнакомой им стихии, их ошеломил шум, поразила сосредоточенность, организованность, четкость работы.

— Вот, человече, — говорит Сенька, — знай, купорь бутылки, ни формулы, ни амперы здесь не нужны!

— Да,—согласилась Оля,—наклеивай себе ярлычки, и дело с концом.

Ребятам дали работу.

— Политехнизируйтесь, кусок хлеба под старость, — смеются добродушно рабочие.

Одни принялись сортировать яблоки, другие клеить этикетки.

Но ребята, к стыду своему, не оправдали надежд шефов; они, сортируя яблоки, следовали такой системе: одно в ящик, а два в свой ненасытный желудок, и к концу работы у всех разболелись животы.

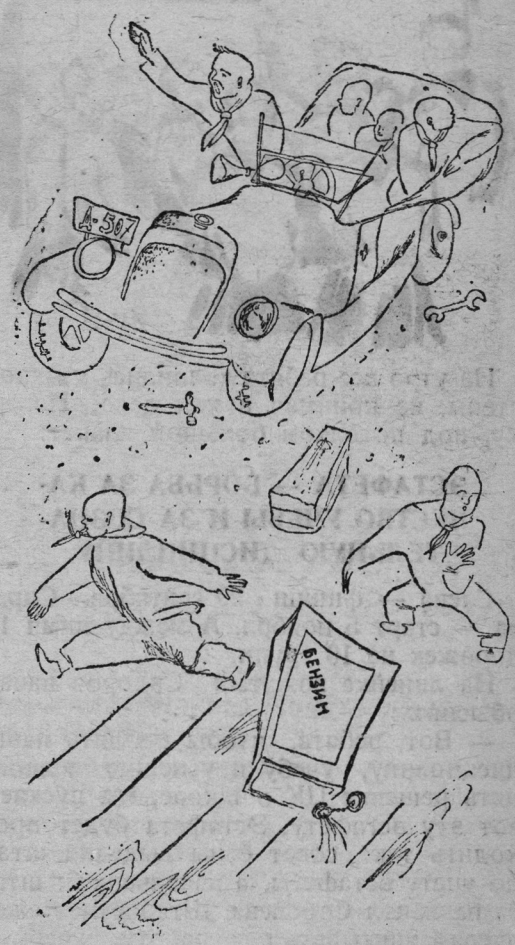
Сеньку застали за очень приятным занятием: наклеивая этикетки на банки с вареньем, он с аппетитом уплетал вкусное варенье.

Не лучше дело обстояло и в гараже.

Вместо того, чтоб познакомиться с конструкцией автомобилей, ребята так расхулиганились, что пролили ведро чистосортного бензина...

Хорошо, что близко не было огня, а то уроки политехнизации окончились бы здóрово!

Деткор Патриков.
Гор. Ульяновск.



ОСОБАЯ ЭСТАФЕТА

Рис. А. Кучерова.

На большой перемене Борька Соболев завтракать не пошел, а быстро побежал на третий этаж. В канцелярии встретил вожатого базы Сидорова.

— Вот хорошо, что поймал, — радостно заорал Борька.

— Ну давай быстрее, не волынь, — сказал Сидоров.

— Эстафету я придумал! Новую, особенную, — восторженно заявил Борька.

После учебы Шурка собрал экстренное заседание совета базы. Все активно обсуждали эстафету и единогласно постановили:

— В ударном порядке подготовить эстафету!

А Борька заявил:

— Об'являю себя ударным по подготовке эстафеты. Из школы не выйду, пока эстафету не закончу!

После заседания Борька с шестью товарищами остался в школе.

Строгали, рисовали, красили, и к 12 часам ночи эстафета была готова.

На утро все ребята толпились у одной стены, не понимая в чем дело. Наверху, под потолком большой плакат:

ЭСТАФЕТА — БОРЬБА ЗА КАЧЕСТВО УЧЕБЫ И ЗА СОЗНАТЕЛЬНУЮ ДИСЦИПЛИНУ.

Слева — финиш 20 сентября. Справа — старт 5 ноября. А между ними 10 дорожек на 10 групп.

На линейке вожатый Сидоров начал об'яснять:

— Вот, ребята, чтобы поднять нашу дисциплину, учебу и успешно выполнять решение ЦК о школе, мы пускаем вот эту эстафету. Эстафета будет проходить так: совет базы выделил штаб по учету эстафеты, а начальником штаба назначил Соболева. Штаб будет ежедневно учитывать всю работу, учебу и

дисциплину групп. Если сегодня в 5-й гр. «Б» дисциплина хорошая, группа передвинется вперед на 2 сантиметра. Учебный план выполнен — на 3 см. вперед, а всего — 5 сантиметров. Если эти пункты перевыполнены — больше сантиметров, недовыполнено — меньше сантиметров. Все расстояние высчитано в 230 см. Если группа будет проходить по 5 сантиметров, то-есть нормально, то и к финишу она придет во-время, если больше — придет раньше, меньше — не дойдет. Понятно?

— Понятно, — шумно трепахнулось по залу, вылетев из сотен ребячьих глоток.

— Кто придумал? — вдруг заорал кто-то.

— Кто придумал? Придумал кто? — требовательно орали ребята.

Сидоров поднял руку. Все притихли.

— Эстафету придумал Соболев.

— У-р-а!.. Качать Борьку!

Бросились качать Борьку.

На уроках все сидели тихо, работали старательно. Учителя удивлялись такому резкому повороту.

С нетерпением ждали отметок.

На следующий день десять красных ленточек оторвались от старта. Норму выполнили не все группы. 5-я «А» и 5-я «Б» впереди — перевыполнили, сзади 6-я «Б», 7-я «А», 7-я «Б» — недовыполнили. Остальные выполнили нормально.

На линейке отстающие группы об'явили себя ударными и обязались итти первыми, а передовые заявили, что первенство не сдадут.

— Тише! — кричал что было сил групорг. — Слово Соболеву.

Все замолчали, а Борька приподнялся с парты и уверенно заговорил:

— Нечего нам, ребята, орать, не в этом дело. Ясно, неудобно. Об'явили себя ударными, а сами в хвосте. Но выход не в крике; если каждый будет себя чувствовать ударником, то, ясно, кончит бузу, наша 6-я «Б» будет первой.

— А я предлагаю,—перебил Борьку Семенов,—чтобы не только в школе поднимать учебу, но и дома уроки делать с превышением.

— Правильно,—поддакнули все.

После этих решений ленточка 6-й группы «Б» быстрее побежала к финишу и вдруг... 200%, 250%, 375% выполнения учебного плана и хорошая дисциплина на 18,14 сантиметров в день... И все группы позади.

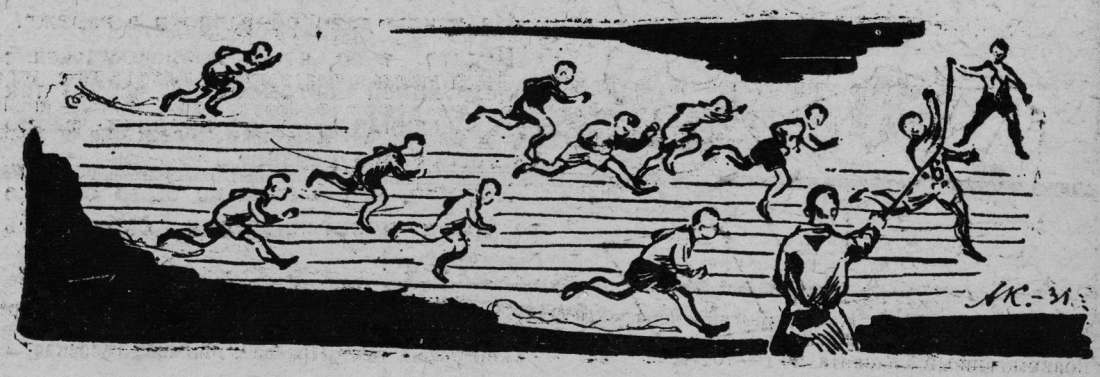
По группам ряд бурных собраний. Решение догнать 6-ю «Б». Не отставить. Быстрее поползли ленточки, — 150%, 200% выполнения учебного плана и хорошая дисциплина были уже не редкость.

Наконец 6-я группа «Б» решила судьбу передовых: 400% по учебному плану и, рванувшись вперед на 38 см, сорвала ленточку на десять дней раньше срока.

А за ней, все быстрее и быстрее перевыполняя наметку, поднимая дисциплину, рвались вперед 9 остальных ударных групп.

1-я школа ПОНО.

Ал. ЕРМАК.



ВОССТАНИЕ ВО ФЛОТЕ В 1905 г.

„ОЧАКОВ"

крейсер, на котором в ноябре 1905 года вспыхнуло восстание матросов, охватившее ряд других судов и ряд войсковых частей в Севастополе. Восстание было подавлено, и главные участники—лейтенант Шмидт и матросы Частник, Гладков и Антоненко—казнены.

Сдан в набор 21/XII 1931 г. Подписан к печати 2/I 1932 г. Издат. № 61. Отв. редактор **Е. Куйбышева.** Оформление журнала **Б. Мясина**

Уполномоченный Главлита № Б—10174. Типография газ. „Правда", Москва, Тверская, 48. Заказ № 3302 Тираж 50.000 экз.

ЦЕНА 20 коп.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ. НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ.

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

Великій обѣтъ Царскаго Служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга. Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку,

и 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законномѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 17-й день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано

НИКОЛАЙ

Къ сему листу Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Треповъ руку приложилъ.

МАНИФЕСТ НИКОЛАЯ II С КРОВАВОЙ РУКОЙ (Журнал „Пулемет“ № 1, 1905 г.).

На тексте манифеста, обещающего свободы, виден отпечаток кровавой руки назначенного накануне издания манифеста петербургским диктатором ген. Трепова. 14 октября Трепов издаст свой знаменитый приказ „патронов не жалеть“, в день же опубликования манифеста 17 октября войска на улице Петербурга избивали и расстреливали по его приказу безоружное население. Это двуличие самодержавия, одной рукой подписавшего манифест о свободах, а другой рукой уничтожающего свободы, и хотел изобразить автор карикатуры. За этот рисунок Шебуев, редактор „Пулемета“, был арестован и получил по суду 1 год крепости.